

Специальное регулирование вопросов, связанных с данным видом доказательств (показаний потерпевшего), ориентирует на учет особенностей его процессуального положения и отношения к делу. Соответственно, имеются особенности восприятия, запечатления и воспроизведения им фактических данных относительно предмета его показаний. В отличие от свидетеля потерпевший знакомится с материалами дела, в ходе судебного разбирательства допрашивается ранее свидетелем, находится в зале судебного заседания, участвует в судебных прениях.

Предмет показаний потерпевшего имеет свою специфику (в частности, он дает описание похищенных ценностей, определяет их стоимостную оценку и т. д.). Если отказаться от выделения показаний потерпевшего в самостоятельный источник, то эти показания «растворятся» в свидетельских показаниях, что неизбежно затруднит ориентацию в материалах дела прокурора, суда и вышестоящей судебной инстанции.

В литературе предлагается допрашивать подозреваемого и обвиняемого, изъявивших желание давать показания, в качестве свидетеля (как это предусмотрено, например, в законодательстве США). Полагаем, что нельзя механически переносить опыт зарубежного законодателя в собственное законодательство, так как должны учитываться сложившиеся традиции, подходы, наконец, в разумных пределах должна иметь место преемственность.

Подозреваемый и обвиняемый в настоящее время не несут ответственности за отказ от дачи показаний, т. е. дача показаний – право, а не обязанность.

В ч. 4 ст. 110 УПК нет оговорки о том, что подозреваемый допрашивается лишь в случае возбуждения уголовного дела. Следует внести соответствующие дополнения в указанную часть, ч. 2 ст. 173 УПК дополнить допросом подозреваемого, а также что «уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний он не несет». Дача объяснения либо допрос не имеют различных правовых последствий. К тому же будет сделан акцент на его процессуальном положении.

УДК 343.98

И.С. Нестер

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ «БОЗОН ХИГГСА»

Криминалистика как наука прошла достаточно сложный путь от своего зарождения до настоящего времени, от возникновения термина «криминалистика» до криминалистических компьютерно-информационных технологий. Формирование криминалистики как области научных знаний началось на рубеже XIX и XX вв., однако причины и основания, способствующие такому формированию, имеют куда более глубокие корни, поскольку ему предшествовал весьма длительный период накопления эмпирической базы.

Полагаем обоснованным утверждение о том, что началом периода накопления эмпирической базы следует определять переход от простой констатации наблюдаемых криминалистических объектов, явлений к их анализу и изучению, предполагаемому установлению источника происхождения, причин и предпосылок, причинно-следственных связей, возможностей и вариаций их дальнейшего существования, видоизменения и т. д. Этот период характеризуется активной познавательной деятельностью субъектов, основанной на достижениях естественных и технических наук того времени, не простой констатацией, а осознанным восприятием этих явлений, объектов, процессов.

Факты (явления, действия, события, следы, признаки, особенности и т. д.), т. е. объективные отображения реальной действительности, именно то, что служило объектом изучения, а диалектический материализм (или материалистическая диалектика) выступал и до сих пор выступает в качестве методологической основы такого изучения, универсального метода познания, позволяя субъекту в необходимой степени абстрагироваться от идеалистических положений, концепций и приблизиться к истине.

Следует отметить, что факты как гносеологическая и эпистемологическая категории до настоящего момента рассматриваются в роли базовой криминалистической основы, выступая своеобразной первичной ячейкой, кирпичиком формирования научных знаний. В этом плане факт можно охарактеризовать как элементарную и неделимую частицу научного познания, своеобразный криминалистический «бозон Хиггса». При этом под фактом подразумеваются события и явления, как познанные, так и непознанные, но наблюдаемые человеком. Последние иногда именуется эмпирическими фактами. Характеризуя значение эмпирических фактов в построении теоретических основ науки посредством диалектики, Р.С. Белкин в своих трудах нередко ставил в пример высказывание В.И. Ленина: «Диалектика вещей рождает диалектику идей, а не наоборот».

Результатом осознанного восприятия и изучения факта является возникновение нового факта как итог познавательной деятельности человека. Нередко итоговый факт является далеко не единственным, поскольку субъективное познание способно устанавливать все новые факты на основе изучения предыдущих, т. е. результат изучения факта является новым фактом. Данный процесс представляется естественным и, пожалуй, будет сопровождать человечество на всем пути его дальнейшего развития. Таким образом, количество фактов росло и продолжает расти с постоянной арифметической прогрессией. Полагаем, что обозначенное свойство факта и легло в основу имевших место научно-технического прогресса, всплеска научной мысли, смены общественных формаций и иных коренных преобразований не только в области научных знаний, но и в экзистенции всего человечества.

В настоящее время факт как философская категория будоражит умы многих ученых. Эта тема нередко оказывается в центре внимания ввиду наличия существенных противоречий во взглядах на содержание факта, его свойства, структуру и т. д.

Однако в то же время определение факта как первичной ячейки эмпирического познания остается неизменным. Без фактов невозможно вести речь об истинном познании. Он представляется таким элементом знаний, достоверность которого легко поддается проверке и всеми признается. По мнению А.Н. Елсукова, сколь бы правильной ни казалась теория, она необходимо должна так или иначе быть согласованной с фактами. В противном случае она утрачивает свою научную значимость.

Как было указано выше, изначально работа с фактами в области совершения преступлений сводилась к их обыденной, банальной констатации. Устанавливаемые, как правило, методами наблюдения и анализа факты консолидировались в разуме субъектов познания, которые в лучшем случае запоминали данные факты, в худшем – просто игнорировали или вовсе отвергали. Естественно, не о каком-либо способе фиксации фактов, кроме как в памяти субъекта, не могло быть и речи по причинам их искусственного субъективного отторжения. Лишь изредка факты в сфере преступлений оказывались в центре внимания отдельных ученых. Тем не менее даже то незначительное количество констатируемых фактов со временем привело к повышенному вниманию к ним со стороны субъектов.

Каждый факт, так или иначе связанный с преступлением, подлежал изучению в отдельности, вне взаимосвязи с иными фактами, в состоянии абстрагирования. В последующем была добавлена такая практика, как объяснение фактов, установление причинно-следственных связей между отдельными фактами. В этом плане нельзя не согласиться с мнением В.Н. Орлова, который утверждает, что установление факта еще не вскрывает его сущности, факт надо не только констатировать, но и извлечь из него смысл, т. е. объяснить. Для этого необходимо брать факты в связи с другими фактами, устанавливать их взаимосвязь и взаимозависимость, выявлять объективные детерминанты фактов. Если факты брать вне связи друг с другом, вне их системных отношений, а рассматривать как сумму примеров, то сущность исследуемого явления не может быть вскрыта и правильно понята, так как вне связей с другими фактами факт выступает не в объективных признаках (свойствах и отношениях), а в таких, например, какие познающие желают ему приписать. Это лишает факт познавательного значения и ведет к односторонности и субъективизму в исследовании. Наоборот, система фактов способствует более высокому уровню обобщения, по сравнению с обобщением, содержащимся в отдельных фактах. Если в фактах обобщаются отдельные стороны явлений, то благодаря их систематизации явления отражаются в целом.

Таким образом, следует констатировать, что сам по себе криминалистический факт не является источником получения научно обоснованных данных. В то же время результат систематики сходных фактов может служить объектом научного изучения со стороны криминалистики.

УДК 343.985

Е.П. Орехова

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В 1922 г. принят УПК РСФСР, действие которого согласно постановлению ЦИК ССР Белоруссии от 24 июня 1922 г. было распространено на территорию ССР Белоруссии. Положения указанных норм сохранились в редакции УПК БССР 1927 г. В ст. 58 названного кодекса заключения экспертов указаны в качестве доказательств по делу. Ряд статей (ст. 48, 63, 168–174) посвящены особенностям назначения и проведения экспертизы. В ГПК БССР 1923 г. имеется отдельная гл. XVI «Об экспертизе», посвященная порядку назначения и проведения экспертиз.

На этом историческом этапе развития в БССР образованы первые белорусские экспертные организации: судебно-медицинское отделение при Центральной химико-бактериологической станции Наркомата здравоохранения БССР (1921 г.), Институт государственных бухгалтеров-экспертов при Наркомате рабоче-крестьянской инспекции (1926 г.), Институт научно-судебной экспертизы при НКЮ БССР (1929 г.), который возглавил первый заведующий кафедрой судебной медицины в Белорусском (Минском) государственном медицинском институте В.Ф. Черваков. В 1931 г. при управлении милиции НКВД БССР организовано научно-техническое отделение, которое вело различного рода учеты, необходимые для розыска, тем самым способствовало развитию криминалистической экспертизы. Это отделение обеспечивало проведение дактилоскопических, трасологических, графологических (современное название – судебные почерковедческие экспертизы), технических (современное название – судебно-техническое исследование документов) и химических экспертиз. В этом же году образована Центральная судебно-медицинская лаборатория Наркомата здравоохранения БССР, в связи с этим Институт научно-судебной экспертизы был освобожден от функций судебно-медицинского исследования объектов и субъектов, а с 3 апреля 1932 г. постановлением СНК БССР переименован в Белорусский государственный институт криминологии, криминалистики и судебной экспертизы при НКЮ БССР. Судебная медицина как самостоятельная дисциплина преподается в Белорусском (Минском) государственном медицинском институте с 1924 г., а в 1930 г. образована кафедра судебной медицины. Криминалистическая экспертиза не преподавалась как самостоятельная дисциплина, а изучалась в рамках криминалистики. Разрабатываемые теоретические положения криминалистики, учение о методах успешно использовались судебной экспертизой. Соответственно, на данном этапе развития теория судебной экспертизы как таковая не разрабатывалась. Однако постепенно шло накопление научно-исследовательской экспертной базы, систематизировался эмпирический материал. В 1932 г. изданы «Труды Белорусского государственного института криминологии, криминалистики и судебной экспертизы» в двух томах, в 1936 г. – «Систематический библиографический указатель по судебной экспертизе и научным областям». Однако основное внимание уделялось либо разработке прикладных положений судебной экспертизы, либо процессуальным вопросам ее назначения и проведения (С.В. Бородин, А.И. Винберг, А.В. Дулов и др.).